

DOI: 10.22363/2618-8163-2023-21-3-278-292

EDN: SQRQSW

Научная статья

Лексические особенности русской речи билингов в Германии и монолингов в России: экспериментальное исследование

Д.Г. Коврижкина , Л.В. Московкин *Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация* moskovkin.leonid@yandex.ru

Аннотация. Представлены результаты сравнения лексических особенностей русской речи четырех групп информантов: 1) взрослых русско-немецких билингов в возрасте 35–50 лет, переселившихся в Германию в 1990–2010-х гг.; 2) их детей в возрасте 10–15 лет, родившихся в Германии или прибывших в Германию в раннем возрасте; 3) взрослых монолингов в возрасте 35–50 лет, проживающих в Санкт-Петербурге; 4) их детей в возрасте 10–15 лет. Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, важностью изучения состояния русского языка в семьях российских соотечественников, проживающих за рубежом, его сохранения и развития, с другой – необходимостью пополнения существующих данных о речевом развитии билингов новыми фактами. Цель исследования – сравнение лексических особенностей русской речи двух поколений билингов в Германии и монолингов в России. Материалом исследования послужили транскрипты записей рассказов по картинкам из книги М. Майера «Лягушка, где ты?». В качестве методов применялись наблюдение, систематизация и статистическая обработка данных, сравнение, количественная и качественная интерпретация данных. Выявлена средняя доля отклонений от лексических норм в рассказах информантов, в том числе доли замен слова, пропусков слов и вставок лишних слов. Определены виды замен слова, их процентное соотношение, факторы, обуславливающие их появление. Установлено сходство отклонений от лексических норм в речи детей (билингов и монолингов), обусловленное действием общих законов речевого развития. Сделан вывод об относительно стабильном состоянии лексической системы русского языка в диаспоре (по крайней мере в двух исследуемых группах русско-немецких билингов) и о ее сходстве с лексической системой монолингов. Отдельные участки лексической системы русского языка детей-билингов 10–15 лет подвергаются изменениям, которые тем не менее не нарушают ее целостность.

Ключевые слова: русский язык, лексическая система, отклонения от норм, билингвизм, русско-немецкие билингвы, русские монолингов, межпоколенческие изменения

История статьи: поступила в редакцию 11.03.2023; принята к печати 16.05.2023.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-48-04401 «Русский язык в Германии: межпоколенческие изменения»).

Для цитирования: Коврижкина Д.Г., Московкин Л.В. Лексические особенности русской речи билингвов в Германии и монолингвов в России: экспериментальное исследование // Русистика. 2023. Т. 21. № 3. С. 278–292. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-3-278-292>

Введение

Одной из задач исследований билингвизма является изучение состояния русского языка в семьях соотечественников, проживающих за рубежом, прогнозирование его сохранения и развития. Важнейшим показателем состояния русского языка является сохранение или изменение его лексического состава, что и обуславливает актуальность изучения лексических особенностей русской речи билингвов.

Под лексическими особенностями речи понимаются отклонения от лексических норм литературного языка (изменения, модификации, трансформации, неканонические лексические формы), являющиеся основным объектом экспериментальных лингвистических исследований. В последние 20 лет внимание специалистов в области билингвизма чаще всего направлено на изучение лексических особенностей унаследованного русского языка (Anstatt, 2010; Pavlenko, Malt, 2011; Gagarina et al., 2014; Brehmer et al., 2016; Gagarina, Klassert, 2018; Makarova, Terekhova, 2020; Czapka et al., 2021 и др.). Носители унаследованного языка (*heritage speakers*) – это ранние билингвы, которые овладели этим языком (L1) и языком большинства (L2) либо одновременно, либо последовательно в раннем детстве (примерно в возрасте до 5 лет), но для которых в какой-то момент L2 становится основным, доминирующим языком (Polinsky, Kagan, 2007: 368; Benmamoun et al., 2013: 133). К их числу относятся дети русскоязычных эмигрантов, родившиеся в зарубежных странах или прибывшие в эти страны в раннем детстве.

Среди исследований лексики носителей унаследованного языка можно выделить работы, в которых рассматриваются изменения в их ментальном лексиконе под влиянием второго языка, например изменения представлений о синем и голубом цветах (Pavlenko et al., 2017) или о предметах русской кухни (Pavlenko, Malt, 2011), зависимость вербальной кратковременной памяти и объема словарного запаса детей от характера их двуязычия и социально-экономического статуса семьи (Meir, Armon-Lotem, 2017), влияние на развитие их словарного запаса различных факторов: хронологического возраста, пола и объема инпута (Gagarina, Klassert, 2018), перевода со второго языка (Jouravlev, Jared, 2020), разновидностей семейного общения (Czapka et al., 2021) и т. д.

Специфика лексики носителей унаследованного языка выявляется в ходе сравнительных исследований. Среди них наиболее близким по тематике к нашей работе является изучение когнитивных стратегий русско-немецких билингвов при решении лексических проблем в русском языке, осуществленное Т. Анштатт (Anstatt, 2010). В ходе этого исследования анализирова-

лись рассказы по картинкам 12 билингов-дошкольников 4–6 лет, прибывших в Германию в возрасте от 0 до 2 лет, 12 монолингвов 4–6 лет и 12 билингов-старшекласников 14–18 лет, прибывших в Германию в возрасте от 0 до 12 лет. В качестве стимульного материала использовались картинки из книги М. Майера «Лягушка, где ты?»¹. Эта книга, называемая также *frogstory*, содержит 24 картинки, описывающие похождения мальчика и его собаки, которые отправились разыскивать убежавшую от них лягушку.

В работе Т. Анштатт сравнивались когнитивные стратегии в русских и немецких рассказах старшекласников, в русских рассказах монолингвальных и билингвальных дошкольников, в русских рассказах билингвальных дошкольников и старшекласников. В ходе исследования установлено, что в ситуациях, когда билингв не может найти нужное слово, он использует вербальные подстановки из того языка, на котором ведется разговор (перифразы, гиперонимы, когипонимы и др.), подстановки из второго языка информанта, окказионализмы, переключение кодов, невербальные стратегии, обращение за помощью к собеседнику, стратегии уклонения (Anstatt, 2010: 235–237). В контексте настоящего исследования наибольший интерес представляют описанные в работе Т. Анштатт вербальные подстановки и окказионализмы. Кроме того, важны и данные о том, какие когнитивные стратегии чаще всего используют дошкольники и старшекласники при решении лексических проблем в русском языке.

Сравнение речи разных поколений носителей унаследованного русского языка осуществляется и в других работах, однако пока мало исследованы лексические особенности русской речи русско-немецких билингов Германии подросткового возраста (10–15 лет). Не осуществлялось их сравнение с лексическими особенностями речи их родителей и близких по возрасту монолингвов, проживающих в России. Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена не только социальными факторами, но и потребностью дополнить существующие знания о языке билингов новыми данными.

Цель исследования – сравнение лексических особенностей русской речи двух поколений билингов в Германии и монолингвов в России.

Материалы и методы

Материалом исследования, как и в работе Т. Анштатт, послужили транскрипты записей рассказов информантов по картинкам из книги М. Майера «Лягушка, где ты?»². Рассказы билингов были записаны в 2021 и в 2023 гг. в г. Бохуме (Германия, земля Северный Рейн – Вестфалия), рассказы монолингвов в 2022 г. в Санкт-Петербурге. Кроме того, в качестве материала исследования использовались транскрипты записей интервью с информантами и анкеты, содержащие необходимые для исследования социологические данные.

В ходе реализации указанной цели выявлялись и сравнивались лексические особенности русской речи четырех групп информантов: 1) взрослых

¹ Mayer M. *Frog, where are you?* New York : Penguin Young Readers Group, 1969.

² Там же.

русско-немецких билингвов в возрасте 35–50 лет, переселившихся в Германию в 1990–2010-х гг.; 2) их детей в возрасте 10–15 лет, родившихся в Германии или прибывших в Германию в раннем возрасте; 3) взрослых монолингвов в возрасте 35–50 лет, проживающих в Санкт-Петербурге; 4) их детей в возрасте 10–15 лет.

В первой группе 22 человека (17 женщин и 5 мужчин), ранее проживавших в России (13), на Украине (8), в Белоруссии (1). Они прибыли в Германию в возрасте 23–36 лет и находятся там от 7 до 18 лет. Билингвы-родители имеют высшее образование, владеют русским и немецким языками.

Во второй группе 26 человек (13 девочек и 13 мальчиков). Из них 21 человек родились в Германии, в земле Северный Рейн – Вестфалия, 5 человек прибыли в Германию в дошкольном возрасте (от 1 до 7 лет). Билингвы-дети владеют русским и немецким языками, обучаются в немецких гимназиях, изучают английский язык.

Записи в Германии проводились среди учащихся, посещающих субботние и воскресные русские школы, и их родителей, то есть обследовалась группа лиц, не только общающихся на русском языке, но и заинтересованных в его сохранении.

В третьей группе 19 человек (14 женщин и 5 мужчин). Из них 13 человек родились в Санкт-Петербурге, 3 – в Сибири, 1 – в Карелии, 1 – в Нижегородской области и 1 – в Казахстане. Высшее образование имеют 18 информантов, среднее специальное – 1. Помимо русского в определенной степени владеют английским языком 18 человек, 1 иностранными языками не владеет. Кроме того, 5 информантов изучают датский, итальянский, немецкий, турецкий, французский, шведский языки или уже владеют ими.

В четвертой группе 23 человека (12 девочек и 11 мальчиков). Из них 22 человека родились в Санкт-Петербурге и его пригородах и 1 – в Архангельской области. Все информанты в этой группе обучаются в российских общеобразовательных школах. Из них 22 человека в разной степени владеют английским языком, 1 иностранными языками не владеет. Из 22 человек 4 изучают еще один иностранный язык: испанский, французский или немецкий.

Всем информантам были присвоены шифры: БР – билингв-родитель, БД – билингв-ребенок, МР – монолингв-родитель, МД – монолингв-ребенок и номера семей в соответствии с последовательностью их записей. Если в эксперименте участвовали два родителя из одной семьи или два ребенка, то это также отражалось в шифре, например: БД-16-1, БД-16-2.

В процессе исследования использовались методы комплексного социолингвистического анализа, включавшие наблюдение (выявлялись и выписывались отклонения от лексических норм в транскриптах информантов), систематизацию данных (устанавливалась типология отклонений от норм), статистическую обработку данных (устанавливалась доля каждого типа отклонений от норм в транскриптах информантов, при этом за 100 % принималось общее количество слов в транскрипте, и среднее значение данного типа отклонений в процентах в каждой из четырех групп информантов), сравнение (сравнивались средние значения каждого типа отклонений в груп-

пах информантов), количественную и качественную интерпретацию данных (объяснялось соотношение средних значений каждого типа отклонений в группах информантов, устанавливались и интерпретировались причины появления каждого типа отклонений).

Объектами анализа в транскриптах служили отклонения от лексических норм русского языка (то, что в лингводидактике и теории культуры речи называют ошибками словоупотребления). Это различного рода замены требуемого слова другим словом или перифразом, отсутствие требуемого слова (нулевая замена), вставка избыточного слова. В это число включались и замены слова несуществующим словом, часто построенным по известной информанту словообразовательной модели (в лингводидактике они иногда квалифицируются как словообразовательные ошибки). При этом замены служебных слов, например предлогов и союзов, не учитывались, так как они рассматривались как отклонения от грамматических норм. Все отклонения от лексических норм рассматривались не только как результат коммуникативных стратегий говорящих, но и как результат языкового переноса.

Результаты

Среднее количество отклонений от лексических норм в русской речи двух поколений билингвов и монолингвов не превышает 2,72 %, причем подобные отклонения характерны для речи как билингвов, так и монолингвов. Это свидетельствует, в частности, о сохранении лексической системы русского языка в Германии, по крайней мере в двух исследуемых группах русско-немецких билингвов.

Полученные данные позволяют подтвердить две общие закономерности, описанные в работах по билингвизму: а) количество отклонений от норм в речи детей больше, чем в речи взрослых; б) количество отклонений от норм в речи билингвов больше, чем в речи монолингвов. Они объясняются тем, что билингвы, находящиеся вне русской языковой среды, получают меньше языкового инпута, чем монолингвы в России. Кроме того, речь взрослых информантов, большая часть которых имеет высшее образование и, соответственно, владеет литературными нормами, содержит меньше отклонений от этих норм, чем речь детей.

Среди отклонений от лексических норм в речи как билингвов, так и монолингвов выявлены просторечные слова, что специально не рассматривается в предыдущих исследованиях лексических особенностей речи билингвов. Просторечные слова в большей степени характерны для речи детей, но встречаются и в речи взрослых, при этом их доля в рассказах детей более, чем в 4 раза превышает долю таких же слов в рассказах взрослых.

Доля просторечных слов в рассказах билингвов почти в 1,5 раза выше, чем в рассказах монолингвов. Распространение русского просторечия в Германии объясняется тем, что оно характерно для неофициальных ситуаций общения, в которых билингвы и используют русский язык, тогда как их официальное общение осуществляется на немецком языке. В России же официальное общение осуществляется на литературном русском языке, что и способствует его большей распространенности и закреплению в речи взрослых.

Просторечные слова в речи билингвов свидетельствуют не об изменениях в их русском языке, а, наоборот, о сохранении русского языка в условиях диаспоры.

Виды других замен во многом совпадают с типологией вербальных подстановок Т. Анштатт. Среди них отмечены замены когипонимами, гиперонимами, перифразами, окказионализмами и прямыми заимствованиями. Чаще всего встречаются замены когипонимами, осуществляемые под влиянием немецкого языка, причем, как правило, заменяются слова, не входящие в активный словарь информантов или незнакомые им.

Обсуждение

В ходе исследования анализ лексических особенностей речи двух поколений русско-немецких билингвов и русских монолингвов проходил в два этапа. На первом этапе определялось количество отклонений от лексических норм в каждом транскрипте и определялось количество замен и пропусков слов, а также вставок лишних слов. Результаты этого этапа представлены в табл. 1.

Таблица 1

Лексические особенности русской речи четырех групп информантов, средние значения, %

Лексика	Категория информантов			
	Билингвы-родители	Билингвы-дети	Монолингвы-родители	Монолингвы-дети
Соответствующая нормам	99,04	97,28	99,14	98,18
Не соответствующая нормам:	0,96	2,72	0,86	1,82
– замены слов	0,73	2,60	0,26	1,30
– пропуски слов	0,13	0,10	0,03	0,05
– вставки лишних слов	0,10	0,02	0,57	0,47

Анализ данных показал, что отклонения от лексических норм имеют место во всех четырех группах информантов, хотя их индивидуальное распределение различно: в ряде транскриптов не отмечено ни одного отклонения от лексических норм. В рассказах детей отклонений от лексических норм в целом больше, чем в речи родителей: в речи билингвов в 2,8 раз, в речи монолингвов – в 2,1 раза. Это обусловлено тем, что лексические нормы в речи детей еще не устоялись и подвержены различным влияниям.

Среднее количество отклонений от лексических норм в рассказах взрослых билингвов и монолингвов примерно одинаковое – не более 1 %. Это означает, что русская речь взрослых билингвов, выросших и получивших образование на родине, в лексическом отношении не претерпела существенных изменений в Германии. С другой стороны, среднее количество отклонений от лексических норм в рассказах детей билингвов в 1,5 раза превышает количество отклонений в рассказах детей-монолингвов, что является показателем изменений, которые испытывает их речь в условиях диаспоры.

Несмотря на то, что данные об отклонениях от норм отличаются в речи разных информантов, полученный материал в целом позволяет подтвердить две общие закономерности, описанные в работах по билингвизму (Bylund,

2009; Montrul, 2008 и др.): а) количество отклонений от норм в речи детей больше, чем в речи взрослых; б) количество отклонений от норм в речи билингов больше, чем в речи монолингов.

Во всех четырех группах отмечены три структурных типа отклонений от лексических норм: замены, пропуски и вставки слов, например:

– замены слов: *потом э / пчелиный дом упал* (БД-14) (вм. *улей*); *лягушку он положил в стакан* (БД-13) (вм. *в банку*); *митя обнаружил ямку в земле / и принялся кричать туда* (МР-9) (вм. *нору*); *мальчик залез на дерево / посмотрел в дырочке, которая была в дереве* (МД-11) (вм. *в дупле*);

– пропуски слов: *потом мани как / свалил дом / где живут пчелы / и они на него / э / кусали / а я в это время смотрел в дупло* (БД-11-1) (вм. *на него напали*); *принесли лягушку в банке / поставили перед кроватью... там любовались ночью* (БД-5) (вм. *любовались лягушкой*); *а его собака шарик увидела / значит / это получается осиный / осиное гнездо / ну ему хозяин запретил / потому что это опасно* (МР-13-2) (вм. *запретил подходить к гнезду*);

– вставки слов, повторы: *так огромное / на дороге лежит огромное дерево* (БР-12); *потом они пошли ее искать... вышли из дома и пошли искать... они кричали / но она не отзывалась / потом они пошли в лес ее искать* (МД-7-1).

Большую часть отклонений от лексических норм в рассказах билингов составляют замены слов. Вставок лишних слов у них намного меньше. В рассказах монолингов таких вставок больше, чем в рассказах билингов: у взрослых в 5,7 раз, у взрослых – в 23, что говорит об их стремлении меньше себя контролировать в ходе эксперимента. Вместе с тем в рассказах билингов в несколько раз больше пропусков слов (у взрослых в 4, у детей в 2 раза), что свидетельствует о незнании ими отдельных слов, об их утрате или об опасении допустить ошибку в ходе общения с экспериментатором.

Исследование лексики в рассказах носителей русского языка в Германии показало, что у данных категорий информантов не происходит разрушения системы языка на лексическом уровне. Речь русско-немецких билингов понятна и может быть соотнесена с речью монолингов.

Следующий этап исследования лексических особенностей речи информантов связан с анализом вариантов замен слов и их сравнением с вариантами замены слов в транскриптах речи монолингов. Основные виды замен представлены в табл. 2. При этом средние значения, не превышающие 0,01 %, не учитывались, то есть значения 0,00 % в таблице могут указывать не только на отсутствие данных явлений в транскриптах группы информантов, но и на то, что в речи информантов встречаются данные виды замен, но их число статистически не значимо.

Среди замен слова у всех категорий информантов преобладают замены слов литературного языка просторечными словами. В транскриптах билингов встречаются:

– просторечные формы притяжательного местоимения *ихний* вместо литературного *их*: *после этого они взяли с собой маленькую лягушку / как видно / сына ихнего нового друга* (БД-16-2);

– вводное слово *видать* в значении *должно быть, вероятно: а под этим деревом / сидели две лягушки / **видать** мама и папа* (БР-9);

– отрицательная частица *нету* вместо *нет: вова / когда встал / очень удивился / что лягушки уже **нету*** (БД-22-1); *утром они проснулись и заметили / что лягушки уже нету в банке* (БД-10); в

– водное выражение *по ходу* вместо слова *похоже: после этого они **по ходу** легли спать* и др.

Отмечены просторечные слова и в рассказах монолингвов: *пока антон кричал в нору / шарик **игрался** с пчелами* (МД-5) (вм. *играл*).

Таблица 2

Лексические замены в речи четырех групп информантов, средние значения, %

Замены слов	Категория информантов			
	Билингвы-родители	Билингвы-дети	Монолингвы-родители	Монолингвы-дети
Всего	0,73	2,60	0,26	1,31
Просторечными словами	0,29	1,30	0,18	0,90
Когипонимами	0,43	1,26	0,08	0,41
Гиперонимами	0,00	0,01	0,00	0,00
Перифразами	0,01	0,02	0,00	0,00
Окказионализмами	0,00	0,01	0,00	0,00
Словами немецкого языка	0,00	0,00	0,00	0,00

Установлено, что доля просторечных слов в рассказах детей превышает долю таких же слов в рассказах взрослых (у билингвов в 4,5 раза, у монолингвов в 4 раза), что можно объяснить следующими факторами: во-первых, по данным анкет большая часть взрослых информантов имеет высшее образование и, соответственно, владеет литературным языком, тогда как лексические нормы в речи многих детей еще находятся в стадии становления. Во-вторых, современная публичная речь в России, оказывающая влияние на лексическую компетенцию монолингвов-детей, не свободна от элементов просторечия, даже речь журналистов (Горбаневский и др., 2010). Наличие этих элементов обусловлено общими тенденциями развития русского языка в последние десятилетия (Купина, 2000; Химик, 2000; Шапошников, 2012 и др.), оказывающими влияние на речь не только монолингвов в России, но и билингвов в Германии.

Доля просторечных слов в рассказах билингвов оказалась выше, чем в рассказах монолингвов (у взрослых в 1,3 раза, у детей в 1,4 раза). Это обусловлено тем, что в Германии русский язык используется в ситуациях семейного, неофициального общения, тогда как в ситуациях официального общения и неофициального общения за пределами диаспоры используется немецкий язык. В России же в ситуациях официального общения используется литературный русский язык, и, соответственно, уделяется больше внимания соблюдению литературных норм.

Среди замен слов в речи информантов выделяются замены нужного слова когипонимом, который в работе Т. Анштатт определяется как «соседний элемент, принадлежащий к общему гиперониму» (*benachbarte Elemente, die zu einem gemeinsamen Hyperonym gehören*) (Anstatt, 2010: 228). В настоящей статье также используется этот термин.

В процессе анализа выявлено, что в активный словарь некоторых детей-билингвов не входят слова *банка, улей, нора, дупло*, которые заменяются когипонимами.

Слово *банка* заменяется словами *стекло, стакан, бутылка*: *лягушку он положил в стакан* (БД-13); *собачка и мальчик встали / смотрят в бутылку* (БД-15-1); *из стекла ночью / когда мальчик и собака заснул / лягушка выпалзывает* (БД-21). Эти замены обусловлены влиянием немецкого языка, в котором слово *Glas* означает и стекло, и стакан, и стеклянную банку³.

Вместо слова *нора* некоторые дети-билингвы употребляют слова *дыра, дырка, ямка, пещерка*: *я в это время смотрел в пещерку / там ее тоже не было* (БД-11-1); *мальчик посмотрел в дыре / позвал его / но там никто не вышел* (БД-14); *он в ямке ищет лягушку* (БД-22-1). Слово *дупло* заменяется словами *дыра* и *дырка*: *в дереве дыра* (БД-14); *в дубе была дырка / в этой дырке / они тоже не могли ее найти* (БД-16-1); *эту всю сцену / наблюдала маленькая лягушка / которая выходила из именно этой дырочки в земле* (БД-16-2). Эти трансформации также обусловлены влиянием немецкого языка, в котором *Höhle* означает и пещеру, и нору, и дыру, и дупло⁴.

Слово *земля* иногда заменяется словом *пол*: *а с дерева у нас упал улей на пол / и из улья вылетел рой пчел / и отправился за моим щенком* (БР-11-1); *из-за песика / все пчелы упали на пол* (БД-12); *улей упал на пол / потому что собака / потому что она лапой дерево пошатала* (БД-22-1). И здесь можно усматривать влияние немецкого *Boden*, означающего и землю, и пол⁵.

Встречаются замены притяжательных местоимений *его, ее, их* местоимениями *свой, своя, свое*: *вечером мальчик и своя собака / рассматривают банку / где сидит лягушка* (БД-3); *однажны / сидел мальчик ночью дома и смотрел на свою лягушку в банке / а своя собачка тоже* (БД-9). Их следует квалифицировать как лексико-грамматические замены, так как в данных случаях не только имеют место замены одних слов другими, но и происходит перестройка всей системы русских притяжательных местоимений по аналогии с немецким языком.

Указанные примеры подтверждают закономерности унаследованного русского языка, описанные в работах Д.Р. Эндрюса и А. Павленко с соавторами: доминирующий язык оказывает влияние на ментальный лексикон билингва, что отражается и в его первом языке (Pavlenko, Malt, 2011; Pavlenko et al., 2017). При этом происходит утрата слов унаследованного языка, так называемая контактная аттриция – изменения, обусловленные языковым контактом с доминирующим языком (Körke, Schmid: 2004: 5–6).

Вместе с тем некоторые замены когипонимами нельзя объяснить влиянием немецкого языка, например в речи билингва-родителя замену слова *банка* словом *аквариум*: *мальчик нашел лягушонка / когда гулял на улице*

³ Лейн К., Мальцева Д.Г., Зуев А.Н., Минина Н.М., Добровольский Д.О., Кузавлев В.Е., Цвиллинг М.Я., Пригоникер И.Б., Зорина Т.П., Панкин А.В., Лерман М.Л., Липеровская Н.А., Басова Н.П. Большой немецко-русский словарь. Grosswörterbuch deutsch-russisch : ок. 95 000 слов и 200 000 словосочетаний. 13-е изд., стер. М. : Русский язык Медиа, 2006. С. 386.

⁴ Там же. С. 455.

⁵ Там же. С. 179.

с собачкой / принес домой / и положил его в аквариум (БР-14). Вероятно, в данном случае имеют место иные причины замены, например желание родителя, предполагающего, что ребенок может не знать слово *банка*, заменить его более понятным словом.

Говоря о заменах когипонимами, отметим, что некоторые примеры отклонений от лексических норм могут квалифицироваться по-разному. Так, употребление вопросительного местоимения *где* вместо *куда* в предложении *где же он делся* (БР-6) может рассматриваться как калька с немецкого *Wo ist er hin?* Однако, учитывая, что этот пример отмечен в речи взрослого билингва, выходца из Одессы, можно также полагать, что это проявление специфики русской речи Одессы, отмеченной, в частности, в работе Е.Н. Степанова как явление, вызванное влиянием польского языка (*Где вам ехать? Где идем?*) (Степанов, 2013: 21).

Исследование показало, что слова *нора* и *дупло* в речи некоторых монолингвов также заменяются словами *дырка*, *дырочка*, *отверстие*, *туннель*, *ямка*: *и они нашли там бревно / котор / в котором была дырка* (МД-11); *и вот / около старого-старого дерева / они увидели в земле какое-то отверстие* (МР-5); *митя обнаружил ямку в земле / и принялся кричать туда / лягушка / лягушка / выйди / пойдём вместе с нами гулять* (МР-9); *но когда он бежал / он заметил / то что в туннеле / в который искал максим / жил сурок* (МД-9-1); *есть на этой картинке крот / он вылез из дырочки / и посмотрел, что вообще происходит* (МД-13-1).

Таким образом, отмеченный выше процесс утраты слов *нора* и *дупло* у билингвов может быть связан не только с влиянием немецкого языка, но и с тем, что эти слова уходят из активного словаря городских жителей. Этим же можно объяснить и замены слова *земля* в значении *почва*, *поверхность* словом *пол*.

Иногда дети-билингвы в качестве замен используют описательные выражения, перифразы, например слово *улей* заменяется словосочетаниями *пчелиный дом*, *дом где живут пчелы* и т. п.: *потом мани как / свалил дом / где живут пчелы / и они на него / э / кусали / а я в это время смотрел в дупло* (БД-11-1); *собака / э / играла в это время / э / дом где пчелы / потом / э / пчелиный дом упал* (БД-14); *они искали ее в норе / в доме от пчел / но там они ее тоже найти не могли* (БД-16-1); *собака играла с домиком пчел / но он упал* (БД-17).

В транскриптах речи билингвов иногда встречаются замены слов гиперонимами:

– слово *пчелы* заменяется словом *звери*: *первые звери / которых заметил бобик / летали по воздуху / и жужжали громко* (БР-5);

– слово *банка* заменяется словом *посуда*: *ваня и его маленькая собачка / любовались своей новой находкой / которую они словили в довольно даже большой стеклянной посуде; она вылезла из посуды и / уходила дальше от них* (БД-16-2);

– слово *кваканье* заменяется словом *звук*: *мальчик услышал звук лягушек / и пошел их искать за упавшим деревом* (БД-17).

В транскриптах билингвов почти не встречаются прямые лексические заимствования из немецкого языка, которые Т. Анштатт квалифицирует как «материальный лексический перенос» (*materieller lexikalischer transfer*) (Anstatt,

2010: 228). Например, отмечена замена слова *семья* словом *фамилия* (от нем. *Familie* – *семья*): *и на следующий там / фамилия ихняя пришла / ихние дети; это фамилия лягушках; и в этой фамилии / там была эта лягушка / шо исчезла* (БД-1). Эта замена встречается только у одного информанта – мальчика-билингва 12 лет, родившегося в Германии в семье выходцев из Кировограда (Украина).

В корпусе транскриптов детей-билингвов был обнаружен неожиданный пример – замена слова *собака* англицизмом *дог*: *тогда в следующей картинке / выглядит как будто / как будто мальчик и песик / у какого-то ручья / потому что дог / песик в воде / и мальчик показывает песику / что он должен быть тихим* (БД-12). Этот пример отмечен у мальчика 15 лет, родившегося в Германии в семье выходцев из Алтайского края и изучающего в школе английский язык. Возможно, выражение *выглядит как будто* в этом предложении также является калькой с английского языка (*looks like*). Оно повторяется и в других предложениях в этом рассказе: *в следующей картинке видно / как мальчик и песик вышли на улицу / и выглядят / как будто они хотят звать лягушку; пес хочет поиграть с пчелками / выглядит как будто / и мальчик смотрит в землю / и в конце выглядят / как будто песик и мальчик / там семь лягушек / и там они забрали одну лягушку / но там все еще семь лягушек маленьких* (БД-12). Эти отклонения от норм можно объяснить только тем, что уровень владения английским языком у данного информанта выше, чем уровень владения унаследованным русским языком.

Последняя интересная группа отклонений от лексических норм русского языка – это окказионализмы, несуществующие слова, создаваемые по известным говорящему словообразовательным моделям. Окказионализмы встречаются главным образом в речи детей – как билингвов, так и монолингвов: *они смотрели в дупле / но их испугнули пчелы* (БР-7); *они везде ее искали / в улике / в дупле / в норках / но не нашли ее* (БД-7); *собака гавкала / и потом дом от жуужжа / упал вниз и все / и все / все побегали за собакой* (БД-13). С.Н. Цейтлин отмечает, что подобного рода конструирование новых слов характерно для речи детей (дошкольников-монолингвов), и объясняет его наличием большого числа вариативных речевых моделей в русском языке, затрудняющего выбор правильного варианта (Цейтлин, 2017: 171). В транскриптах речи подростков эти явления немногочисленны, хотя иногда они встречаются даже в речи взрослых: *они увидели свою лягушечку мари / в компании большого лягуха* (МР-7-2).

Лексические особенности русской речи детей-билингвов 10–15 лет, выявленные в ходе исследования, коррелируют с результатами исследования Т. Анштатт лексических стратегий дошкольников и старшекласников (Anstatt, 2010: 236–237). В ходе настоящего исследования в речи подростков также выявлены замены слов когипонимами, гиперонимами, перифразами, словами немецкого языка, кальками и др. Если не считать долю просторечных слов, которые в исследовании Т. Анштатт не учитываются, то наиболее частыми лексическими заменами в речи подростков, как и в речи билингвов-дошкольников, выступают замены нужных слов когипонимами. Вместе с тем примеры замены слов перифразами сближают речь подростков с речью

старшеклассников (в исследовании Т. Анштатт показано, что перифразы характерны для рассказов старшеклассников, но редко используются дошкольниками). Таким образом, анализ лексических особенностей речи детей-билингвов (подростков) показывает, каким образом в возрасте 10–15 лет осуществляется постепенный переход от речи дошкольников к речи старшеклассников.

Заключение

Лексическая система исследуемых групп билингвов остается относительно стабильной и мало отличается от лексической системы монолингвов. Показателем этого является незначительное среднее количество отклонений от лексических норм и большая доля русских просторечных слов среди этих отклонений.

Соотношение просторечных слов в транскриптах всех четырех групп информантов подчиняется следующим закономерностям: их количество в речи детей больше, чем в речи взрослых, а в речи билингвов больше, чем в речи монолингвов.

Среди других отклонений от лексических норм в речи билингвов большую часть составляют замены когипонимами, во многих случаях осуществляемые под влиянием немецкого языка. Это влияние обнаруживается при заменах слов, не входящих в активный словарь информантов или вообще незнакомых им (*улей, нора, дупло* и др.). Количество замен слов гиперонимами, перифразами, окказионализмами, материальными заимствованиями в целом незначительно и чаще всего статистически не значимо. Таким образом, отдельные участки лексической системы русского языка детей-билингвов 10–15 лет, родившихся в Германии или переехавших в нее в раннем возрасте, подвергаются изменениям, но эти изменения не нарушают ее целостность.

Многие лексические особенности речи детей-билингвов совпадают с лексическими особенностями речи детей-монолингвов, что говорит о действии общих законов речевого развития. Также обнаружены общие черты в речи билингвов 35–50 лет, прибывших в Германию в возрасте 23–36 лет и проживающих в ней от 7 до 18 лет, и проживающих в России монолингвов того же возраста.

Перспективы исследования видятся в лонгитюдном изучении лексических особенностей русской речи различных групп русско-немецких билингвов, а также в сравнительном изучении лексических особенностей речи в семьях билингвов. Кроме того, возникает необходимость дальнейшего экспериментального изучения лексических особенностей русской речи монолингвов, проживающих в России.

Список литературы

- Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаклеин В.М. Не говори шершавым языком. О нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ. 3-е изд. М. : РУДН, 2010. 300 с.
- Купина Н.А. Предисловие // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2000. С. 3–12.

- Степанов Е.Н.* Русская городская речь в полилингвокультурном пространстве Одессы : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 2013. 37 с.
- Химик В.В.* Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб. : Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2000. 272 с.
- Цейтлин С.Н.* Язык и ребенок. Освоение ребенком родного языка. М. : Владос, 2017. 240 с.
- Шапошников В.Н.* Просторечие в системе русского языка на современном этапе. М. : Либроком, 2012. 176 с.
- Anstatt T.* Kognitive Strategien Zweisprachiger : Lösungen lexikalischer Probleme im Russischen bilingualer Kinder und Jugendlicher // *Die slavischen Sprachen im Licht der kognitiven Linguistik. Славянские языки в свете когнитивной лингвистики / herausgegeben von T. Anstatt, B. Norman.* Wiesbaden : Harrassowitz, 2010. Pp. 217–239.
- Benmamoun E., Montrul S., Polinsky M.* Heritage languages and their speakers: opportunities and challenges for linguistics // *Theoretical Linguistics*. 2013. Vol. 39. No. (3–4). Pp. 129–181. <https://doi.org/10.1515/tl-2013-0009>
- Brehmer B., Kurbangulova T., Winski M.* Measuring lexical proficiency in Slavic heritage languages: a comparison of different experimental approaches // *Slavic Languages in Psycholinguistics : Chances and Challenges for Empirical and Experimental Research / ed. by T. Anstatt, A. Gattnar, Ch. Clasmeier.* Tübingen : Narr Francke Attempto, 2016. Pp. 225–256.
- Bylund E.* Maturation constraints and first language attrition // *Language Learning*. 2009. Vol. 59. No. 3. Pp. 687–715. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9922.2009.00521.x>
- Czapka S., Topaj N., Gagarina N.* A four-year longitudinal comparative study on the lexicon development of Russian and Turkish heritage speakers in Germany // *Languages*. 2021. No. 6. <https://doi.org/10.3390/languages6010027>
- Gagarina N., Armon-Lotem Sh., Altman C., Burstein-Feldman Zh., Klassert A., Topaj N., Golcher F., Walters J.* Age, input quantity and their effect on linguistic performance in the home and societal language among Russian-German and Russian-Hebrew preschool children // *The Challenges of Diaspora Migration Interdisciplinary Perspectives on Israel and Germany / ed. by R.K. Silbereisen, P.F. Titzmann, Y. Shavit.* Farnham : Ashgate Publishing, 2014. Pp. 63–82.
- Gagarina N., Klassert A.* Input dominance and development of home language in Russian-German bilinguals // *Frontiers in Communication-Language Sciences*. 2018. Vol. 3. Pp. 1–14. <https://doi.org/10.3389/fcomm.2018.00040>
- Jouravlev O., Jared D.* Native language processing is influenced by L2-to-L1 translation ambiguity // *Language, Cognition and Neuroscience*. 2020. Vol. 35. No. 3. Pp. 310–329. <https://doi.org/10.1080/23273798.2019.1652764>
- Köpke B., Schmid M.S.* Language attrition : the next phase // *First Language Attrition : Interdisciplinary Perspectives on Methodological Issues.* Amsterdam : John Benjamins, 2004. Pp. 1–43.
- Makarova V., Terekhova N.* Russian-as-a-heritage-language vocabulary acquisition by bi-/multilingual children in Canada // *Русистика*. 2020. Т. 18. № 4. С. 409–421. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-4-409-421>
- Meir N., Armon-Lotem S.* Independent and combined effects of socioeconomic status (SES) and bilingualism on children's vocabulary and verbal short-term memory // *Frontiers in Psychology*. 2017. No. 8. Pp. 1–12. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.01442>
- Montrul S.* Incomplete acquisition in bilingualism: re-examining the age factor. Amsterdam : John Benjamins, 2008. 312 p.
- Pavlenko A., Jarvis S., Melnyk S., Sorokina A.* Communicative relevance : Color references in bilingual and trilingual speakers // *Bilingualism : Language and Cognition*. 2017. Vol. 20. No. 4. Pp. 853–866. <https://doi.org/10.1017/S1366728916000535>

- Pavlenko A., Malt B.C. Kitchen Russian : cross-linguistic differences and first-language object naming by Russian-English bilinguals // *Bilingualism : Language and Cognition*. 2011. Vol. 14. No. 1. Pp. 19–45. <https://doi.org/10.1017/S136672891000026X>
- Polinsky M., Kagan O. Heritage languages : in the ‘wild’ and in the classroom // *Language and Linguistics Compass*. 2007. Vol. 1. No. 5. Pp. 368–395. <https://doi.org/10.1111/j.1749-818X.2007.00022.x>

Сведения об авторах:

Коврижкина Дарья Геннадьевна, кандидат педагогических наук, лаборант-исследователь, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9. *Сфера научных интересов*: билингвизм, лексикология, методика преподавания русского языка как иностранного. ORCID: 0000-0003-0589-064X. E-mail: dasha2509@inbox.ru

Московкин Леонид Викторович, доктор педагогических наук, профессор, почетный работы сферы образования Российской Федерации, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9. *Сфера научных интересов*: билингвизм, история языкознания, теория и история педагогики, лингводидактика. ORCID: 0000-0002-4818-1205. E-mail: moskovkin.leonid@yandex.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2023-21-3-278-292

EDN: SQRQSW

Research article

Lexical features of Russian speech of bilinguals in Germany and monolinguals in Russia: an experimental study

Daria G. Kovrizhkina , Leonid V. Moskovkin

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

 moskovkin.leonid@yandex.ru

Abstract. The results of the comparison of lexical features of Russian speech of four groups of respondents are presented: 1) adult Russian-German bilinguals aged 35–50 who moved to Germany in the 1990–2010s; 2) their children aged 10–15 who were born in Germany or moved to Germany at an early age; 3) adult monolinguals aged 35–50 living in St. Petersburg; 4) their children aged 10–15. The relevance of the research is, on the one hand, in the importance of studying the state of the Russian language in the families of Russian compatriots living abroad, its preserving and developing, and on the other hand, in the need to supplement the existing data on the speech development of bilinguals with new facts. The research is aimed at comparing lexical features of Russian speech of two generations of bilinguals in Germany and monolinguals in Russia. The material of the research includes transcripts of picture story recordings from the book of M. Mayer “Frog, where are you?”. The methods of the research are observation, data systematization and statistical processing, comparison, quantitative and qualitative interpretation of data. The authors found out the average proportion of lexical norms violations in the stories of informants and among them the proportion of word substitutions, word omissions and superfluous words insertion. The types of word sub-

stitutions, their percentage, and their reasons were determined. The similarity of lexical norms violations in the speech of children (bilingual and monolingual), conditioned by general laws of speech development, was revealed. The conclusion is made about the relatively stable Russia lexical system in the diaspora, at least in the two groups of Russian-German bilinguals studied, and about its similarity with the lexical system of monolinguals. Some parts of the lexical system of the Russian language of bilingual children aged 10–15 years undergo changes, but these changes do not violate its integrity.

Keywords: experiment, Russian language, lexical system, norm deviations, bilingualism, Russian-German bilinguals, Russian monolinguals, intergenerational changes

Article history: received 11.03.2023; accepted 16.05.2023.

Acknowledgments: The research was funded by the Russian Science Foundation grant (project No. 21-48-04401 “Russian language in Germany: intergenerational changes”).

For citation: Kovrizhkina, D.G., & Moskovkin, L.V. (2023). Lexical features of Russian speech of bilinguals in Germany and monolinguals in Russia: An experimental study. *Russian Language Studies*, 21(3), 278–292. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-3-278-292>